

Содержание

ПРОЛОГ

11

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

19

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

83

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

193

ЭПИЛОГ

275

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

285

Я ей скажу заветные слова,
те, что произносят взглядом.
Все высказанные извинения
похожи на украденные поцелуи.
Они оставляют едва уловимую горечь,
готовую разрушить хрупкий момент
нашей встречи.

Кристоф.
Заветные слова

ПРОЛОГ

Мне так часто в жизни случалось опаздывать
со словами, которые я хотел бы сказать.

Давид Фонкинос.

Воспоминания

Случайности не бывают случайными, в этом Педро был уверен. Кажется, конечно, будто жизнь наказывает некоторых без всяких на то причин, но на самом деле она представляет собой цепочку вознаграждений или ответных наказаний. Он не обязательно приписывал эту справедливость воле Божьей, скорее объяснял ее причинно-следственной связью. Он брал на себя право толковать важные события своей жизни, придавая смысл и радостям, и горестям. Если не принимать в расчет бегство отца, когда Педро было девять лет, он всегда умел найти логичное обоснование всем превратностям своей судьбы. И разрыву с первой женой — только с первой, поскольку расставание со второй больше походило на освобождение, — и цепкой обиде сыновей. Сегодня он мог оценивать свои невзгоды с некоторого расстояния и потому готов был признать их заслуженными, но к тому, что на него свалилось в последние несколько минут, приходилось отнестись с большим скепсисом. Разве он мог представить себе подобное развитие событий? Не сходит ли он понемногу с ума? Может, это внезапный Альцгеймер? Педро лежал на носилках, его болтало из стороны

в сторону в коридорах отделения скорой помощи, он утратил все ориентиры и не мог придумать ничего, совсем-совсем никакого урока, который можно было бы извлечь из этого злключения.

А ведь апрельское утро началось, как любое другое. Привычное пробуждение активного пенсионера, готового наполнить свой день множеством дел, так или иначе связанных с его персоной. Выпить в соседнем баре кофе со сливками, читая газету, сыграть теннисную партию со своим другом Антуаном, пообедать в клубе, потом попробовать починить тостер. Нужно сделать хотя бы одно доброе дело в день, и сегодня он собирался забрать почту и подсунуть под дверь соседке по лестничной площадке, сломавшей щиколотку и не покидающей квартиру. Когда Педро сбежал по лестнице к рядам ящиков в вестибюле, он отлично себя чувствовал. Кстати, он это отметил, взглянув на себя в большом зеркале, где отразился в профиль в шортах и тенниске в обликпу, подчеркивающих выпуклые мышцы пресса, рельефные грудные мышцы, упругие ягодичы. Он тогда подумал, что совершенно не выглядит на свой возраст.

— Шестьдесят восемь лет, вот и все, что нам известно... Если присмотреться повнимательнее, виден шрам от удаления аппендикса... Несколько варикозных вен на ногах... Ничего особенного.

Педро скривился, слушая докторшу из отделения скорой помощи, хладнокровно перечисляющую подробности, способные его раздосадовать. И кому она, впрочем, все это сообщает? Зачем информировать всех вокруг? Понятное дело, распластаный на каталке, даже накачанный мужчина, пусть и в спортивном ко-

стюме, выглядит не так чтобы очень. Опять куда-то поехали! Куда же его везут? В его ракурсе, из горизонтального положения, интерьер казался ему сюрреалистичным. Пляска мешков, подсоединенных к катетерам, стробоскопическое мигание неоновых ламп, скольжение белых стен. Насколько он помнил, никто и никогда не тряс его так. Педро затошнило. И если закрыть глаза, становилось еще хуже. Ему казалось, что он падает в бездонный колодец. Хотелось крикнуть: “Нельзя ли полегче, если я не слишком много требую?” Интересно, который час? Время резко ускорилося после того, как его окликнул сосед, чтобы поговорить о последнем собрании жильцов. Как так вышло, что в тот момент Педро ничего особенного не ощутил? Ни стресса, ни недомогания, ни боли? Где бы он сейчас оказался, не встретить он тогда соседа? Не на этой чертовой каталке, это уж точно! Он вдруг резко замолчал посреди фразы, словно кто-то щелкнул выключателем, а через несколько секунд его собеседник забеспокоился: — Педро? Тебе плохо? Педро?

Сосед наверняка заметил выражение паники на его лице. А заодно и его бессилие. Замолчавшие губы остались приоткрытыми, как у агонизирующего карпа.

И вот его мучения продолжились.

— Как вас зовут... дата вашего рождения... какой сегодня день... сожмите мою руку... следите взглядом за моим пальцем... подымите руки... ноги... чувствуете, когда я к вам прикасаюсь?..

Никто никогда не говорил с ним, как с ребенком, и в таком приказном тоне. Может, хватит его теревить? Слишком близкий контакт казался ему унижительным. Как и невозможность ответить на вопросы. Рот, как у карпа, но взгляд, не утративший выразительности. Смесь подозрительности и страха.

— Время появления признаков... гиперинтенсивный сигнал на МРТ... тромболизис...

Педро до сегодняшнего дня не замечал, как громко звучат раздающиеся рядом звуки, когда ты один и заперт в собственном молчании — они превращаются в нестройный, суетливый, назойливый, пугающий гам. И насколько более значимыми становятся слова, если ты не способен ответить. Разве не то же ощущение уязвимости он испытывал больше сорока лет назад, когда только что приехал во Францию? Когда еще слабо владел языком и стремился занять свое место в новом обществе? Но сейчас все было по-другому. Сейчас он понимал, что ему говорят, но его собственный язык сбоил. К нему наклонилось новое лицо. Брюнетка с легкой улыбкой, озабоченная его состоянием. Ее близость испугала Педро, и он инстинктивно отодвинулся. Какие еще слова ему придется услышать?

— Здравствуйте, месье Да Силва, я доктор Алесси, невролог...

Хоть эта представилась. Он кивнул, чтобы выразить ей признательность.

— Я посмотрела результаты вашей МРТ. У вас инсульт.

Он закрыл глаза. Только не это слово. Что угодно, только не это.

— Небольшое кровоизлияние, но не в самом удачном месте, — добавила она. — Это означает, что сгусток крови закупорил одну из артерий вашего мозга. Артерию, которая проходит в зоне, отвечающей за речь. Поэтому вы не можете говорить.

Еще до того, как он открыл глаза, хлынули слезы. Педро был крепким орешком, но тут не удержался. Наверняка все дело в контрасте между мягкостью ее голоса и шоком от услышанного. Он вытер глаза тыль-

ной стороной ладони и повернул голову набок, чтобы спрятать лицо.

— Очень хорошо, что вы сразу приехали в больницу. Мы назначим вам лечение, чтобы рассосать тромб. — Она хотела его утешить.

Но почему он? И почему сейчас? Когда суета вокруг стихла, а его оставили в покое, наедине с лекарством, капающим в вены, у Педро появилось время для размышлений. Общение никогда не было его сильной стороной. Ему было трудно высказать то, что у него на сердце. Трудно объяснить свои поступки или их отсутствие. Трудно извиниться. Он был очень неловким и всегда находил, в чем себя упрекнуть. Он повторял себе, что у него еще будет время все исправить. Педро представлял себе день, когда он соберет всю свою храбрость и попытается восстановить отношения с теми, кого бросил на обочине. А теперь его лишили голоса. И вместе с ним любой надежды на примирение. Педро захотелось закричать. Позвать на помощь. Он впервые осознал размеры пустоты, которую создал вокруг себя за последние годы. Пустоты и насущной необходимости ее заполнить. И за это ему придется побороться. Побороться, чтобы его услышали. Заслужить право на каждое слово, на каждое произнесенное слово.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Слова ранят вас. Убивают в буквальном смысле.
Или же, напротив, вас очаровывают. Все мы
сделаны из слов, которые пронизывают нас.

Анни Эрнó

ГЛАВА 1

Томаш обычно чувствовал себя виноватым, уезжая из Бретани. И до последней минуты делал вид, будто никуда не собирается, чтобы не огорчать Тиагу, своего брата, который в день его отъезда всегда нервничал. Сегодня Томаш постарался потихоньку сложить вещи в багажник автомобиля, перед тем как отвести брата на пляж.

— Томаш тоже будет купаться?

— Сегодня нет.

— Братик заболел?

— Нет, я здоров.

Он объявит ему о своем отъезде позже, за несколько минут до того, как попрощается с ним. Когда Тиагу родился, Томашу было восемь лет, и с тех пор он всегда беспокоился, как бы с братом что-нибудь не случилось. Перед тем как уехать, нужно было все спланировать, чтобы в его отсутствие у матери не возникло слишком много проблем. Он понимал, что его детство было не таким, как у других. Отца нет, у брата синдром Дауна, так что Томаш повзрослел быстрее ровесников — в отличие от большинства, он не знал, что такое беззаботность и легкомыслие. С тех пор все так

и шло. В тридцать пять лет Томаша одолевали иные, чем у друзей, заботы. Некоторые из них растили маленьких детей, а у него на руках оставался ребенок двадцати семи лет от роду! Иногда ответственность, всегда присутствующая в повседневной жизни, тяготила Томаша. Он никогда не страдал от того, что растет рядом с Тиагу. Брат с его неизменно хорошим настроением, веселым и ласковым характером и любовью к природе приучил Томаша к терпимости. И заодно к терпению. Он подарил ему новое восприятие жизни — более чуткое и критичное, — а также некоторую силу для борьбы с невзгодами. И напротив, глядя в будущее, Томаш беспокоился. С годами здоровье матери, подорванное полиартритом, все больше слабело. Это, конечно, эгоизм, но Томаш боялся того дня, когда ему придется прекратить поездки и сделать выбор. Постоянные перемещения между Францией и Португалией были ему так же необходимы, как дыхание. Сейчас равновесие обеспечивала кочевая жизнь, полная контрастов, — бурная и яркая в Лиссабоне, спокойная и позволяющая восстановить силы в Трегеннеке.

— Выходи, Тиагу, простудишься! — крикнул он с вершины дюны, поднеся ко рту сложенные рупором ладони, чтобы брат услышал.

— Ище играть! Ище прыгать в пене!

— Ладно, еще две минуты.

Каждый день, и летом, и зимой, если погода позволяла, повторялась одна и та же сцена. Тиагу бултыхался в пене, не доходя до места, где обрушиваются волны, и громко хохотал. Смех тонул в шуме ветра, и сегодня Томаш вообще не слышал его. Если не считать нескольких кайтсерферов, взлетающих вдалеке над водой, братья как будто были одни в целом мире. В такие моменты Томаш осознавал, что здесь брат в своей стихии. Точно

на своем месте. И в определенном смысле завидовал ему. Счастье Тиагу было тут, в пределах нескольких квадратных километров вокруг пляжа Ля-Торш, где он мог дразнить океан и обрабатывать песчаную почву семейной фермы. Почему же Томаш отчаянно скучал в этой глуши? В отличие от брата, его никогда не привлекала работа на земле, и он редко принимал в ней участие.

Когда у матери начались проблемы со здоровьем, ей пришлось раз за разом нанимать поденщиков, готовых работать за еду и крышу над головой. Они помогали Тиагу и занимались продажей собранного урожая. Это позволяло матери и брату знакомиться с людьми с разных концов света и не чувствовать себя в изоляции. Сейчас примыкающую к дому постройку занимала Элоди, тридцатилетняя парижанка, одержимая желанием преобразования: она дала себе несколько месяцев на размышления и знакомство с новым образом жизни, не похожим на ее собственный. В последние недели Томаш наблюдал из окна гостиной, как она трудится. Это зрелище он находил гораздо более интересным, чем экран компьютера, на котором висел утомительный перевод текста о грибах. Он теперь отлично разбирался в самой разнообразной плесени и ее способности изменить мир, но и секретов касательно работы Элоди у него не осталось: он знал, как она вскапывает землю, толкает тележку и устанавливает крышу теплицы. Кстати, может, из-за наблюдения за Элоди он опаздывал с окончанием перевода? Не говоря уж о вечерах за игрой в карты и поглаживанием ее лодыжки под столом и о жарких ночах в соседнем домишке. Если он собирается сдать заказ в срок и на следующей неделе вручить первый вариант своему лиссабонскому издателю, пора ему перестать отвлекаться и поскорее уехать!

Не просохнув после купания, Тиагу накинул на плечи пончо и пошел вприпрыжку за братом по извилистой тропинке, ведущей через поля к ферме. Томаш слышал, как он разговаривает с цветами и считает лепестки маргариток:

— Понедельник, вторник, среда...

Томаш старался идти медленнее, по все равно намного обогнал брата.

— Поторопись, Тиагу, мне надо на самолет.

— Томаш когда вернется?

— С первыми томатами... Легко запомнить: подумай о Томаше, вспомни томаты.

Сравнение рассмешило младшего брата. Его вообще все веселило, особенно то, что говорил старший брат — его кумир.

— Тиагу любит *pasteis de nata*¹.

— Знаю-знаю, ты любишь вкусненькое... Привезу тебе несколько коробочек, обещаю.

— Тиагу любит и Элоди.

— Ха-ха-ха! Еще бы ты ее не любил. Но оставь ее в покое хоть ненадолго, если не хочешь, чтобы она сбежала.

У брата была плохая привычка влюбляться во всех женщин, появляющихся на ферме: почтальонш, туристок из соседнего кемпинга, поденщиц, покупательниц фруктов и овощей. Все они очень нравились Тиагу, и он без стеснения просил каждую приласкать его. За просьбой следовало неуклюжее объятие, больше похожее на странный медленный танец, в котором он кружил их, пока они не зашатаются. Прошлая поденщица сбежала раньше срока из-за раздражавших ее проявлений нежности, однако Элоди в конце кон-

¹ Паштел де ната (*порт.*) — корзиночка из слоеного теста с заварным кремом. Здесь и далее — примечания переводчика.

цов привыкла и отлично справлялась с бьющей через край энергией Тиагу, нагружая парня заданиями и тем самым отвлекая его внимание. Томаш, впрочем, считал, что из них получилась хорошая пара и что никогда раньше ферма не содержалась в таком порядке. Откуда же взялось это дурное предчувствие, которое преследовало его сегодня перед отъездом? Ему почему-то казалось, что спокойствие этих мест будет вот-вот нарушено. Но ведь болезнь в последнее время отпустила Аделину, Тиагу был как будто рад приближению весны, а Элоди вроде можно доверять. Разве она не пообещала ждать его и даже продлить договор до сентября? Вместо того чтобы успокоить Томаша, это обещание произвело на него противоположный эффект: он не хотел устанавливать постоянные отношения и надеялся, что достаточно ясно высказался по этому поводу. Что такого могло случиться за три месяца? Жизнь на ферме текла в неизменном ритме, подчиняясь смене времен года, и нарушить ее могло лишь вмешательство стихии. Но вроде как цунами еще ни разу не обрушивалось на бретонское побережье.

— Позвони, если что-то случится, — попросил он мать, захлопывая дверцу автомобиля. — Хоть днем, хоть ночью, сразу звони, если что. Я могу и раньше вернуться, если понадобится.

— Не беспокойся, мы справимся...

Томаш, который предпочел ни с кем не делиться своими дурными предчувствиями, обнял мать и улыбнулся брату, усердно махавшему ему от курятника.

— *Adeus m'ae*¹... До свиданья, Тиагу.

Так он сообщал им, что мыслями уже далеко.

1 До свидания, мама (*порт.*).

ГЛАВА 2

В последнее время Сара внезапно просыпалась по ночам с чувством труднообъяснимого страха. Первым делом молодая женщина проводила языком по деснам, проверяя зубы. К счастью, все были на месте. Почему ее преследует этот повторяющийся сон? И что бы он мог значить? Именно сейчас, в этот период ее жизни? Сначала начинали шататься передние зубы, за ними следовали клыки. Сара прижимала их ладонью, пытаясь удержать, но ничего не получалось. В свои тридцать четыре года она шепелявила, как бабушка без зубного протеза. И самый большой ужас: во сне в зеркале отражалось именно такое лицо. Как будто собственное тело предавало ее, преждевременно старея. К счастью, ей всякий раз удавалось еще до полного пробуждения вынырнуть из сна. Одновременно со звонком будильника. Этим утром до нее из соседней комнаты донесся крик:

— Выключи этот чертов будильник!

— Некоторым хочется поспать! — ворчливо поддержал второй соарендатор.

— Простите...

В дни, когда Сара работала по утрам, она проклинала пронзительный звон, который поднимал ее с по-